

Сосланный институт

ТАК БЫЛО

Осенью 1957 года из Ярославля в одночасье исчез... сельхозинститут. Вместе со студентами, преподавателями и даже мебелью. Исчез незаметно. Пресса о столь важном событии почему-то не сообщала. Исчезновение вуза было настолько неожиданным, что о его переводе в далекий Уссурийск ярославские студенты, находившиеся в этот момент на целине в Кустанайской области, узнали только месяц спустя.

Ярославский сельхозинститут (ЯСХИ) просуществовал ровно 9 лет — с 1948 года. Он помещался на улице Володарского в типовом четырехэтажном, школьном здании. Необходимость для области такого образовательного учреждения никто сомнению не подвергал.

На селе человек с высшим сельскохозяйственным образованием был тогда редкостью. Хозяйствами руководили посланцы городских партийных организаций, бывшие фронтовики-инвалиды, женщины из числа передовых доярок и бригадиров, впряженные в лямку управления хозяйствами в годы войны. А Ярославский сельхозинститут первым своим выпускникам давал универсальные дипломы — агрономов и зоотехников, чтобы посланный в деревню специалист мог возглавить любую отрасль, а надо будет, и весь колхоз или совхоз.

И вдруг — такой поворот.

ПРИКАЗАНО ЕХАТЬ

Как же пережили институт, его студенты и преподаватели эту ссудку, иначе ее не назовешь? Как повлияла она на их судьбы? Мы разыскали участников уссурийской эпопеи Ярославского сельхозинститута.

— Я в 1955 году закончила в Ярославле 32-ю школу. К стати, в параллельном классе училась Валентина Терешкова, — рассказывает бывший преподаватель Ярославской сельхозакадемии Лидия Двоенко. — Вы знаете, какой конкурс был в 1955 году в Ярославский сельхозинститут? 8,5 человека на место, как в самый престижный из столичных вузов! По конкурсу принимали очень мало абитуриентов. Большинство мест отдавали тем ребятам, которых направляли в вуз колхозы и совхозы.

И вот два года спустя сотни будущих специалистов сорвали с родных мест и перевезли на другой конец страны. Причем сделано это было поспешно, насильственно, без уважения к личным пожеланиям студентов, без объяснения мотивов и причин. В стране, где еще за пять лет до того людей миллионами ссылали в лагеря ради строительства каналов или ГЭС, с их личными желаниями не привыкли считаться.

— Никого из нас заранее не предупреждали, — вспоминает однокурсница Лидия Александровна Федотова. — У нас пол-института ездил на целину. А я после второго курса не поехала. Пришла 1 сентября к началу занятий. И нам объявили, что институт переезжает на Дальний Восток, надо собираться. В ректорате ничего толком не объясняли. Сказали только, что рядом с Москвой сельхозинституты предостаточно. Институту выделили два вагона. В одном, плацкартном, ехали мы. В товарном, непонятно зачем, везли через всю страну убогую институтскую мебель: фанерные столы и шкафы. Нас прицепили к поезду Москва — Владивосток. И так, на верное, рейсов за 5 — 6, перевезли весь институт.

«Двинуть науку в глубинку» — такую идею не раз высказывал Хрущев. Он пытался и Тимирязевскую академию выдворить из столицы. Но Тимирязевку ученые отстояли, а Ярославский сельхозинститут пал жертвой перестройки-экспериментатора.

Возможно, идея перемещения вуза из центра на восточную окраину России была продиктована и серьезными геополитическими интересами. На благодат-

ный и малоосвоенный Россией Уссурийский край после войны с жадностью поглядывали с другого берега Амура, из Китая. Нужно было как можно быстрее его заселить. А чтобы наладить в Приморье сельскохозяйственное производство, нужны были специалисты. Не один-два, сразу сотни. Вот и перевезли за две с лишним тысячи верст готовый вуз с почти готовыми выпускниками. Что там судьбы четырехсот студентов по сравнению с дальневосточными интересами России!

Впрочем, никто из студентов далекого 1957 года не жаловался ни в Минсельхозпрод, издавший 11 июня 1957 года приказ № 270 о переводе института, ни тем более самому Хрущеву. Напротив, большинство молодежи из провинции увлекала романтика новостроек Сибири, освоения целины. Неведомые пока трудности не пугали. Со школы их воспитывали на примере Корчагина, готовили к Кузнецкстроем и Магниткам.

— Всем очень хотелось повидать дальние края, — вспоминает Ксения Федотова. — А тут совершенно даром предоставлялась такая возможность. За 11 суток дороги увидеть почти всю страну. Из тех, кто был тогда в Ярославле, никто, кроме женатых и больных, ехать не отказывался.

КУРС — НА ВОСТОК

Несколько другая реакция была у студентов, бывших в это

время на целине в Кустанайской области.

— Мы поехали на целину во второй раз. Причем в предыдущее лето после первого курса в Актюбинской области испытанный хлебнули сполна. Сейчас вспоминаю, — говорит Лидия Двоенко, — и не могу понять, как же мы, 17-летние девчонки, могли это выдержать. Нас везли туда 8 суток в товарных вагонах, оборудованных полками. Спали тесно. Если кто-то хотел повернуться, отлежав бок, то переворачиваться должны были все. Ни в туалет сходить, ни умыться до остановки поезда. Останавливались, правда, то и дело. Стояли по три часа на станциях, развездах и просто в степи. В Казахстане нас по группам распределили и отвезли за 200 километров в совхоз. Мы сортировали зерно. Работа была страшно тяжелой. Нас определили в ночную смену — с 7 вечера до 7 утра. В первые дни сил хватало работать только с 7 до 10 часов вечера. Потом все падали в зерно, не могли поднять ни рук, ни ног. Мы с Тамарой Зыковой, она комсоргом была, уговорили девчат поработать хотя бы до 12 часов. Стали до 12 часов работать, а потом опять падали, засыпали прямо на зерно. Девчонки-то все худенькие.

Ярославские студенты в Уссурийске: на практику — в кузове грузовика.

Под учебный корпус городские власти выделили лучшее здание, а под общежитие — старую казарму.

радовалась, что родители довольны поели сдобного хлеба, смогли купить мяса. А мне мама купила часы.

Вторая поездка началась более благополучно. Нас привезли в плацкартных вагонах. Но разместили уже не в деревне, а прямо посреди степи в военной палатке. Работали мы днем. Я убирала хлеб на комбайне. Обо мне тогда «Юность» писала как о первой ярославской студентке, освоившей комбайн. И вот мы там уже два месяца живем, третий пошел. А нас опять не забирают.

Как-то сидим на завалинке, а один из наших парней развернул клочок газеты, приготовленной на закрутку для махорки, и кричит: «Ребята, в Приморском крае открывается новый сельскохозяйственный институт!». Стал читать нам. А концовка у заметки была такой, что вуз в Приморье создается на базе нашего ЯСХИ.

Мы стали бомбардировать телеграммами ректорат в Ярославле. Ни ответа, ни привета. Пять телеграмм послали. Потом к нам добрался преподаватель, руководивший нашим отрядом, и подтвердил, что есть такое постановление.

Мы приехали уже в сентябре, совершенно вымотанные. Заплатили нам на этот раз мало. А в институте говорят: «Вот вам 9 дней на сборы и поедете в Уссурийск».

Все отказались: «Мы не готовы. У многих даже зимней одежды нет». И выехали только 1 октября. Увезли всех. Было распоряжение: по сельскохозяйственным вузам нас не принимать. И мы не могли перевестись ни в один вуз, ни в Ленинградский, ни

в Московский, ни в Костромской, даже пятикурсники, которым оставалось полгода учиться.

Уезжали в далекий край и преподаватели с семьями, без твердой уверенности, что на новом месте будет благоустроенное жилье. В первый год открытия в Уссурийске сельхозинститута вся профессура была из ЯСХИ.

КОНЕЦ РОМАНТИКИ

Их встречал небольшой, по сравнению с Ярославлем, районный городок на реке, которая на китайской территории называлась Суйфун, а за русской границей — Раздольная. Похожий на большую деревню, Уссурийск и создан был в 1898 году на базе села и поселка при станции в 112 километрах от Владивостока. До 1935 года городок назывался Никольск-Уссурийский, с 1935 до 1957-го — Ворошилов, и только что, перед приездом ярославцев, был переименован в Уссурийск.

Тогда в городке жили около 100 тысяч человек. Были масложировая, сахарный, мельничный и мясной комбинаты, машиностроительный завод, собиравший отличные холодильники «Приморье» с японскими компрессорами, локомотивное депо, кожевню-обувное объединение и швейная фабрика, пединститут, три техникума, два драмтеатра. Благоустроенные дома — только в центре. Чуть дальше — русские избы да китайские фанзы.

Для нового института выделили самое красивое и большое здание управления железной дороги, для общежития — трехэтажную казарму. Помещения были не готовы. В институте и общежитии вовсю шел капитальный ремонт. Студентов в уже отремонтированные комнаты напихивали, как сельдей в бочку. Та, куда поместили Двоенко и троих ее однокурсниц, была всего четыре квадратных метра. Спали по двое в одной кровати. Потом не легче устроили: двенадцать человек в одной комнате и в смежной проходной — шесть. И лишь к концу семестра в обеих комнатах оставили по шесть человек, соорудили общую кухню с котлами и плитой.

— Жили мы, тем не менее, весело, — рассказывает Ксения Павловна. — До сих пор вспоминаю эти годы как лучшее время в жизни. Местное население нас приняло хорошо. Студенты были всегда голодные. Так поварики из железнодорожной столовой, как увидят, что мы пришли, макарон наложат в тарелки с верхом. Климат замечательный, теплый. Зима там наступает поздно, но пугает рано. Как-то пошла в институт в туфельках-лодочках, а после занятий выхожу — снегу намело по колено, впору валенки надевать. И тут же растаял.

Лидия Александровна вспо-

минает, что к весне большинство студентов и преподавателей были сыты местной экзотикой по горло. Стали скучать по домам, беспокоиться о близких, а к лету засобирались и начали уезжать. Не удерживало даже то, что при этом выпускники лишались гарантии трудоустройства и положенного молодым специалистам жилья.

Собралась домой и Ксения Павловна. От недостатка витаминов и недоедания сильно сдало здоровье, расшатывались зубы. В этот год она стала женой старшекурсника Владимира Федотова. Со свадьбой поторопились только потому, что Володю должны были распределить в один из Уссурийских совхозов, где полагалось отработать не менее двух лет. А к жене в Ярославль его отпустили сразу после окончания института.

Лидия осталась. На пятом курсе она стала Двоенко. Муж был местный, заочно закончил отделение связи и телемеханики Хабаровского института железнодорожного транспорта и участвовал в запуске первого спутника связи для трансляции московских телепередач на Дальний Восток. Лидия Александровна поступила в аспирантуру. Стала преподавать в Уссурийском сельхозинституте, который постепенно заполнили студенты и преподаватели из Приморья. Она проработала на Дальнем Востоке до 1977 года. На ее глазах институт вырос в Приморскую сельхозакадемию. К двум факультетам: агрономическому и зоотехническому, привезенным из Ярославля, добавилось еще четыре. А ныне в рамках академии созданы и целые институты.

— Последние восемь лет я преподавала в пединституте, а заодно получила там второе высшее педагогическое образование, — говорит Лидия Александровна. — Со студентами в тайгу выходила на практику. Тайга замечательная. Лианы, виноград дикий. Но тянуло на родину. В 1974 году взяла отпуск и съездила с мужем и двумя детьми в Ярославль. Детям понравилось. И на 1977 год мы наметили переезд.

В Ярославль Лидия Александровна приехала как раз к открытию филиала Тимирязевской академии. В ней и преподавала 25 лет до выхода на пенсию.

Ксения Павловна Федотова, вернувшись с мужем в Ярославль, закончила Костромской сельхозинститут. Работала агрономом, потом экономистом в совхозе-техникуме, получила второе высшее экономическое образование. Последние несколько лет перед пенсией была главным экономистом областной «Сельхозхимии». Муж Владимир Васильевич возглавлял агрономическую службу в великосельском совхозе «Красная поляна», затем в Первомайском районе и вплоть до последнего дня своей жизни руководил разными хозяйствами области.

Почти все студенты, вывезенные из Ярославля, потом вернулись домой. Борис Чубаров был замдиректора совхоза «Шопша», затем замдиректора института животноводства и кормопроизводства (ЯрНИИЖК), дослужился до должности заместителя начальника управления сельского хозяйства облсполкома, Лидия Романова много лет была заместителем директора Ярославского совхоза-техникума, руководила совхозом «Козьмодемьянский». Отработав положенные два года в Приморье, вернулись в Ярославль Юрий и Лия Шарихины. Юрий Евстафьевич до пенсии работал в НИИЖК старшим научным сотрудником, жена — на станции защиты растений. Там же, в Михайловском, работала до пенсии и Зоя Алексеевна Ворона. 20 лет директором Переславского совхоза «Глебовский» отработал Вениамин Попов.

Немало их однокашников, поехавших в Приморье на первом курсе, и по сей день работают в хозяйствах области. Они не жалеют о годах, проведенных на Дальнем Востоке, но, как считает Лидия Александровна, на родной земле и судьбы их сложились бы удачней.

Андрей СОЛЕНИКОВ.